

Юган Н. Л.,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры мировой литературы и русского языкознания
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

ИНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье исследуется изображение инонационального, межкультурный диалог в творчестве В. И. Даля. Этнографическая насыщенность и достоверность этнических деталей – характерная особенность Даля в рецепции инонациональной жизни.

Ключевые слова: В. Даль, межкультурный диалог, фольклор, инонациональное направление, литературно-этнографическая школа, этнографизм.

Постановка проблемы. Этнографическая школа – заметное явление в русском литературном процессе XIX в. В русле литературно-этнографической школы формируется направление, осваивающее инонациональную этнографию, изображающее национально-культурное своеобразие многочисленных российских народностей. В его становлении и развитии огромная роль принадлежит В.И. Далю.

А.Н. Пыпин причислял В. Даля к особому «народному направлению» в русской литературе, которое в 60-е гг. было определено им как «общественно-этнографическое». Заслуга Даля и других писателей этого направления заключалась в художественном обращении к изучению быта, жизни и обычаев русского народа [1, с. 340]. Однако следует особо выделить ещё одну важную особенность творческого развития В. И. Даля: в русле русского «нового этнографического стиля» (А. Н. Пыпин) он одним из первых начинает этнографическое инонациональное направление, обращаясь к изображению жизни, нравов и обычаев нерусских российских народов.

Анализ последних исследований и публикаций, на которые опирается автор, с указанием нерешенных частей общей проблемы, которым посвящается статья. Если в 1840-х гг. критиками отмечалась связь В. И. Даля с отдельными литераторами, создающими произведения о народе, то уже в начале 50-х гг. П. В. Анненков в статье «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» заявил о сложившейся в русской литературе так называемой «очерковой школе», или «школе Даля», к которой причислял А. А. Потехина, Д. В. Григоровича, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского [2, с. 103].

Данное утверждение по-разному воплотилось и преломилось в работах критиков и литературоведов следующих поколений (А. М. Горького, Г. Виноградова, В. В. Виноградова, В. Гусева, В. Базанова, М. В. Канкавы, В. Ф. Соколовой, А. Л. Фокеева). А. М. Горький в «Истории русской литературы» считает, что как беллетрист, автор рассказов из народной жизни, В. И. Даль влиял на русских писателей так называемой «этнографической школы», к которым можно причислить Г. И. Успенского, Ф. М. Решетникова, Н. И. Наумова, Ф. Д. Нефёдова [3, с. 187-188]. М. В. Канкава добавляет к этому списку П. И. Мельникова-Печерского, А. Ф. Писемского и «в какой-то

степени» Н. С. Лескова, т. к. «все они учитывали опыт Даля в области художественного этнографизма» [4]. Л. М. Лотман утверждает связь со «школой Даля» А. Ф. Писемского, которому присущи ориентация на живой факт, очерковость описаний, отчётливо выраженный этнографизм и др. [5, с. 217]. В. Ф. Соколова, выделяя в русской литературе середины XIX в. «школу Даля», в целом согласна с мнением П. В. Анненкова. Она обращает также внимание на членов этнографического отдела РГО, которыми в разное время были писатели П. И. Мельников, С. В. Максимов, Г. Данилевский, А. А. Потехин [6, с. 68]. А. Л. Фокеев выделяет этнографическую школу в едином литературном процессе, в рамках которого шло развитие русского реализма [7 – 10]. Традиции В. И. Даля развиваются и углубляются Д. В. Григоровичем, И. С. Тургеневым, А. Ф. Писемским, П. И. Мельниковым-Печерским [8, с. 17]. Несмотря на то, что в литературоведении уже накоплен материал о роли и месте В.И. Даля в русской этнографической школе, особенности инонациональной этнографии творчества автора и значение его опытов для становления данного направления исследованы явно недостаточно.

Цель нашей статьи – охарактеризовать роль В.И. Даля-писателя в формировании направления в русле литературно-этнографической школы, осваивающего инонациональную этнографию.

Изложение основного материала. В. Даль одним из первых в русской литературе обратился к широкому и системному изображению инонациональных явлений российского мира, жизни и быта нерусских народов: в его произведениях представит многонациональная Россия.

В. Г. Белинский в статье «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» именуется Даля «живой статистикой живого русского народонаселения» [11, с. 82]. Белинский отмечает умение писателя выделять характерное – этнические особенности жизни. Буквально в унисон критике звучит оценка творчества Даля Н. В. Гоголем: «Его сочинения – живая и верная статистика России» [12, VIII, с. 424]. Гоголь особо ценит произведения писателя, изображающие народную жизнь: в письмах из-за границы к Н. М. Языкову и А. О. Россету просит присылать ему повести Даля, которые «значительны», особенно те, где «купеческий, крестьянский и всякий хозяйственный домашний быт внутри нашего государства» [12, XIII, с. 198].

Обращаясь целенаправленно к изображению «нерусского», Даль открывает своим творчеством инонациональное направление в русской этнографической школе, родоначальником которой он является. К инонациональной этнографии обращались в начале XIX в. М. Невзоров («Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.»), Т. Беляев («Куз-Курпач, башкир-

ская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведённая на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года», «Песнь Курайча Рифейских гор»), П. Кудряшев («Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «Песнь башкирца после сражения»). Однако именно в творчестве Даля инациональное становится предметом постоянной рецепции, а нерусские фольклорные источники в их специфической этнографической доминанте являются основой многих произведений писателя, их эстетическим свойством.

Интерес к нерусскому российскому проявляется у Даля на протяжении всего творческого пути. В циклах писателя «Солдатские досуги» (1843) и «Матросские досуги» (1853), которые были написаны для простых служилых людей, даётся осознание России как многонационального Отечества. В обоих произведениях содержалось рассуждение с символическим названием «Что такое Отчизна?» Писатель проводит мысль, что в России с православными русскими живут нерусские народы, с другой верой и языком. Утверждая принцип веротерпимости, он называет разные веры огромного российского мира – христианство, мусульманство, язычество; перечисляет многочисленные народы, которые и составляют Отечество, «русскую землю»: «Царство Русское велико: от Финского моря до Чёрного будет слишком тысяча пятьсот верст; от Белого моря до Каспийского, без малого две тысячи пятьсот; а в длину от Польши до самого конца Сибири, будет более двенадцати тысяч верст <...>. Народу у Белого Царя более всего русского; а есть, кроме того, много народов других, которые говорят не русским языком и исповедуют иную веру. Так, например, есть христиане не православные: поляки, армяне, грузины, немцы, латыши, чудь, или финны, попросту чухны; есть мусульманские народы: татары, башкиры, киргиз-кайсаки и много сибирских и кавказских племён; есть ещё и кумырники, идолопоклонники: калмыки, буряты, самоеды, вотяки, черемисы, чувашы и много других...» [13, VI, с. 37]. Писатель даёт перечисляющий ряд народностей, как бы призывая продолжить эти этнические определения и декларируя как данность полиэтничность Российского государства. Отчизна видится писателю в главных и существенных составляющих: огромные пространства, когда отдельная губерния превосходит целые государства, и её многонациональный племенной состав. Провозглашается единство державы, заключающееся в единении всех российских народов: «держаться друг за дружку», что составляет силу и могущество общего для всех Отечества.

В. И. Даль проявляет интерес к национальной физиономии многих народов – поляков, болгар, цыган, турок, казахов, калмыков, финнов, немцев, башкир, чувашей, татар, мордвы, черемисов. Наблюдения над инациональной жизнью позволяют В. И. Далю даже заметить определённую связь профессии, рода занятий с народностью. В очерке «Чухонцы в Питере» он пишет, что большинство петербургских кухарок – чухонки, «касимовские татары все почти идут в дворники; рязанцы – в сидельцы и ещё более в целовальники; тверитяне – в каменщики и штукатуры; белорусы – исключительно в земляную работу и прочее. Чухонца, или финляндца, вы не увидите ни в сидельцах, ни даже в разносчиках, кроме привозящих яйца, масло и молоко...» [13, III, с. 368].

В изображении инациональных явлений российского мира писатель этнографически конкретен и точен. В центре произведений Даля – незамысловатое событие, происшествие, жизненный эпизод, увиденный героем. В повести «Бикей и

Мауляна» писатель излагает творческую установку, реализованную в конкретном произведении: «Скажу <...> о рассказе моем <...> вот что: не только все главные черты его взяты с подлинного, бывалого дела, но мне не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплетать какую-либо выдумку; всё происшествие рассказано так, как было, и было в точности так, как рассказано» [13, VII, с. 265].

Однако следует отметить, что Даль избирает не всякий и не «любой случай». Писатель формулирует принципы творческого отбора материала и его изображения: событие дается в том виде, «как было», если оно являет человека в его характерологии и социально-этнической обусловленности: «представляет цепь действий и последствий, составляющих одно стройное целое, основанное на чудном сплетении умственных способностей и нравственных качеств человека, на обычаях народных, местных; словом, если *простой рассказ происшествия живописует нам человека, в смысле общем, и человека в значении частном*; раба страстей, привычек и обычаев родины своей, того клочка земли, к которому <...> прирос <...> корнями духовными, незримыми и не менее глубокими» [13, VII, с. 265; курсив наш. – Н. Ю.] Даль недвусмысленно говорит о типичных жизненных явлениях, детерминированности характера, что во всей полноте проявляется и в рецепции инационального.

В русском литературном процессе 30 – 40-х гг. XIX в. наблюдался явный интерес к историческому прошлому, русскому фольклору, активное эстетическое освоение поэтического народного творчества. В русле литературно-художественного развития происходит освоение и инационального народного творчества. В. И. Даль, собирающий русский фольклор, обращается и к нерусскому фольклору. Инациональные фольклорные источники становятся основой произведений, претворяются в их идейно-художественной системе.

Башкирская тема в творчестве В. И. Даля появляется в оренбургский период жизни (1833 - 1841). В. И. Даль записал произведения башкирского фольклора. На основе легенд, преданий и бытописания башкир и других национальностей Оренбургского края Далем написаны статьи и созданы художественные произведения, связанные с жизнью русских и «коренных обитателей» края, – «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумысе», «Скачка в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Башкирская русалка», «Охота на волков», «Полунощник», «Уральский казак», «Осколок льда», «Бикей и Мауляна», «Майна», «Новые картины русского быта» («Обмиранье»), «Рассказ об осаде крепости Герата».

Произведение «Башкирская русалка» создано на материале инационального фольклора: в его основе, как отмечает М. Рахимкулов, древнейшее эпическое сказание о Зая-Туляке и Хью-Хылу [14, с. 462]. Далевский рассказ – творческая обработка памятника башкирского устно-поэтического творчества, в котором повествуется о любви батыра Зая-Туляка и прекрасной русалки – дочери владыки озер Ассулы и Кандры. Любовная история, творчески обработанная писателем, органически «вписывается» в повествование о башкирском народе.

Необычно структурно-композиционное построение произведения Даля. «Башкирская русалка» распадается на две, практически равные части: вводный историко-этнографический обзор, по объёму немного уступающий основному повествованию, и собственно рассказ о Зая-Туляке и прекрасной русалочке. Начинается произведение с пространного вступления, в котором писатель даёт краткую, но исчерпывающую характе-

ристку края и народа «башкерт»: приводит различные версии происхождения башкир, пишет о вере, природе, поэтическом творчестве. Даль-этнограф даёт родовую характеристику башкир, отмечая племенную символику, заключающую сакральный смысл. Интегративный подход в изображении этнического ошутим в «Башкирской русалке»: возникает многоаспектная этническая картина, представляющая для читателя не только познавательную информацию, но и широкого плана культурологический образ – мир башкирской жизни.

В. Даль прибегает к разным способам художественной инкорпорации этнографического материала. Инонациональные создают этнорегионализмы тюрского происхождения, обозначающие разные стороны башкирской жизни: одежду – мужской наряд чапан, бурзенская шапка; поселения – аул, юрта; музыкальный инструмент – чибызга-курай; родовые знаки – тамга, уран; пищу – кумыс, крут; атрибуты повседневной жизни – сабы, турсуки, нагайка и социально-общественного положения – хан, падишах. Актуализаторами башкирского являются названия демонологических существ: шайтан, дью-пари, джин, подводный падишах, див. Маркером этнического выступает национальный костюм: Даль обращается к воинскому башкирскому наряду, в описании которого он этнически обстоятелен. Этнографическая насыщенность и бытовизация, достоверность этнических деталей – характерная особенность В. Даля в изображении инонациональной жизни, которую В. Г. Белинский определял как «живую, внутреннюю верность действительности».

Одним из способов художественного воплощения этнографического элемента является поэтическая характерология – введение в идейно-образную систему произведений башкирского фольклора, отражающего духовно-нравственный облик народа. В этнографический обзор вступления, в объективное и предельно точное описание, вводятся башкирские мифологические предания. Реальные исторические и этнического характера сведения «соседей» в повествовании, тесно переплетаются и «срачиваются» с преданиями устного поэтического творчества, которые являются структурообразующей частью произведения, его эстетическим свойством. Так, давая этногенез народа, писатель упоминает сказки и песни, в которых родоначальником башкир является Чингис-хан, предок которого был рождён девственницей от «наития солнечного луча». Сам Чингис-хан рожден вдовой Алангу, которую тоже посетил солнечный луч, возвратившийся от неё серым волком с конской гривой.

Отмечая знаки башкирских родов, автор излагает поэтическое предание: народ верит, что тамга, уран, дерево и птица даны племенам самим Чингис-ханом. Описывая природу Башкирии, писатель естественно-географическую характеристику соединяет с поэтическими преданиями. В реальное описание Бельской пещеры с конкретными цифровыми параметрами вводится башкирская легенда: в ней обитало какое-то особое племя людей, а также джины, дивы и дью-пари. Даль объясняет, что в башкирских легендах дью-пари – это злой дух; знаменитые башкирские батыры прославились битвами с этим чудовищем, принимающим обличье человека, кошки, собаки, особенно же барса и тигра. Русский писатель вводит этнологические архаические предания, связанные с мифологическими превращениями злых духов.

Присутствуют в идейно-образной системе «Башкирской русалки» и топонимические народные сказания. Писатель

поясняет, что у кочевых башкир много преданий, в которых одушевляется природа: леса, горы, пещеры и озера населены лешими, русалками – по-башкирски «джинами», злыми или добрыми духами; каждую горою, каждым озером обладает какой-либо джин. В Шуллигань-таши находится каменная собака, которой подвластны облака: она боится плети, не может снести ста ударов – издаёт вой, и идёт обильный дождь. В произведении русского писателя широко предстает башкирское народное творчество, целый национально-культурологический пласт жизни. Многочисленные предания и легенды создают неповторимый мифопоэтический башкирский мир. Пещера Тименетау – жилище дью-париев, которые находятся в подземной мельнице: «дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотками»; в подошву горы Зимен-тау входит речка «подземельная», которая ворочает шайтану жернова; в скале Тауча светятся огоньки, обитают духи, которые чуть не похитили было башкира, – передается предание об этом. Озеро Ачулы прибывает и убывает без видимых причин: башкиры уверены, что это делается перед какою-либо бедой. Озеро Елкикичкан – царство могучего падишаха водяных, наградившего смелого Кунгрбая, башкира Бурзянской или Усергенской волости, косяком лошадей: храбрый башкир на своём знаменитейшем жеребце преодолел неприступную для других пучину. Башкирское название озера сопровождается русским эквивалентом – «конский выход или выгон». Аналогичная легенда реализуется и в сказе: отец русалки дает Зая-Туляку на обзаведение табун отличных, выплывших из озера коней, от которых произошла, как замечает рассказчик, знаменитая порода димских башкирских лошадей.

В повествовательной системе «Башкирской русалки» происходит соединение реально-географического описания с мифологической традицией, которая является определяющей. В произведении В. И. Даля наблюдается многовекторность национально-культурного диалога, в результате чего и происходит создание мифологемы иного национального сознания, а этническое становится художественно-эстетическим качеством произведения. Сюжетно-композиционной особенностью «Башкирской русалки» является соединение в художественной системе произведения разнородных повествовательно-жанровых элементов: документального научно-географического очерка и художественно-этнографического описания на основе башкирского фольклора – разнообразных поэтических преданий народной словесности, которые предстают не формально-познавательным компонентом, а эстетическим качеством произведения. Ю. П. Фесенко справедливо замечает, что «Башкирская русалка» являет собой жанровое образование, первая часть которого «этнографический очерк башкир», а вторая – обработка национального «эпического сказания» [15, с. 125]. Произведение отличается внутренней гетерогенностью. Эта специфика и затрудняет жанровое определение «Башкирской русалки», представляющей уникальный жанровый «гибрид» – соединение в структуре произведения документального и художественно-этнографического очерка. Родается же этот жанровый вариант из творческой «необходимости» соединения разнообразного материала для создания полного и всестороннего представления о башкирском мире жизни.

В. Даль был одним из первых русских писателей, для которых инонациональная фольклорно-этнографическая традиция явилась творческой основой многих произведений. В дальнейшем эта художественная тенденция заявит о себе в русском литературном процессе XIX в.: в произведениях П. И. Мель-

никова-Печерского («Очерки Мордвы»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слёзы царицы»), Ф. Д. Нефёдова («Зигда», «Ушкуль»), Н. Д. Телешова («Живой камень»), Л. Н. Толстого («Много ли человеку земли нужно»), Н. Г. Гарина-Михайловского («Зора»), А. М. Фёдорова («Степь сказалась»), М. Горького («Немой») и многих других.

Инонациональные эпизоды возникают у Даля и в произведениях, напрямую не связанных с инонациональной тематикой: они появляются в контексте русской жизни, в культурной парадигме русского мира. В «Новых картинах русского быта», рассказе «Обмиранье», тяжёлое душевное состояние рассказчика очень созвучно тоскливой башкирской песне, напоминавшей замиравший «звучный стон». Однако эпизодическое башкирское заключает в себе большой содержательный смысл. Слова «местного» народного сочинения («Сакмар быстра, брѣвна толста, икмяк да йок, капрал да сок!») не только не развеселили слушающего, но навели на горькие раздумья о справедливости и правящих начальниках, не оставляющих по себе доброй памяти [13, VIII, с. 286]. Первая часть слов башкирской песни, как отмечает М. Рахимкулов, «состоит из искажённых русских слов и читается так: «Сакмар быстрая (река), брѣвна толстые; вторая часть (икмяк тэ юк, капрал да хок – башк.) означает: «и хлеба нет, и капрал (в смысле «начальник») дерётся» [14, с. 463]. В непосредственной связи с незамысловатой заунывной песней башкира-возницы возникают в произведении Даля социальные аспекты российской жизни. Инонациональное предстаёт в русском национальном континууме, дается как его синкретичная составляющая.

В «Новых картинах русского быта», в рассказе «Октябрь», писатель рассуждает о двух направлениях в русском расколе – «расколе обрядном» и «созерцательного толка». Характеризуя созерцательные толки в русских средних губерниях – Тамбовской, Пензенской и Орловской, писатель делает попутное, но весьма существенное наблюдение о других народностях: «Мордва обоих поколений, Эрзя и Мокша, склонны к расколам смирения, к видениям и пророчествам» [13, VIII, с. 298]. Нерусские эпизоды в рецепции русской жизни – характерная особенность творчества В. И. Даля. В рассказе «Чухонцы в Питере» писатель отмечает, что значительная часть России была населена народами чудского племени, со временем обрусевшего, что проявляется в языке: там, где народ говорит «это такая благая путь», можно по справедливости усомниться, коренные ли русские так изъясняются. Приглядевшись к балахонам и «безобразным» рогатым кичкам с «низанными назатыльниками» орловских баб, можно увидеть в одежде мордовское, сказать, что это мордва [13, VI, с. 381]. Через язык и национальный костюм как отражение историко-национальной памяти, полагает В. Даль, можно реконструировать и идентифицировать этническое.

Инонациональное интересует В. И. Даля в разнообразных этнических манифестациях: особенности жизненного уклада, поэтическое творчество, обряды и обычаи как определённые явления национальной жизни, в которых сказывается самобытность народа, его религиозные и духовно-нравственные представления. Писатель-этнограф в обрядовой культуре усматривает этнопсихологические особенности народного сознания: «народы вселенной» не могут обойтись, как он считает, «без внешней или вещественной обстановки» – обрядов, в которых Даль усматривает «представительство» духовно-нравственных истин. Чувашский обычай мести обидчику положен в основу

рассказа «Сухая беда»: он входит в цикл «Картины русского быта», изображающие события, которым автор был участником, свидетелем или слушателем какой-либо жизненной истории. В. И. Даль привлекает приписываемый чувашам обычай, который именуется «сухой бедой»: назло обидчику повеситься у него на воротах. Писателя, принадлежавшего к «натуральной школе», отличала фактическая точность и объективность рассказываемого, необыкновенная этнографическая наблюдательность и верность описаний. Этнографический ракурс является определяющим в «Сухой беде»: передается в авторском изложении рассказанная чувашом история, как Чулка из-за «неисправности пьяного секретаря или письмоводителя» «по беспорядку» был трижды наказан за воровство лошади и, желая отомстить Ярмуку, сделал чувашскую «сухую беду» – повесился у него на воротах. Чувашское самоубийство как способ отмщения врагу дается в аспекте сопоставления с обычаями других народов – китайского, японского, русского; у Даля-рассказчика доминирует историко-этнографический ракурс описания. Этнографический материал используется В. Далем для реалистического описания национальной жизни в её различных проявлениях.

Принципы изображения инонационального, использования этнографического в художественном произведении изложены Владимиром Далем в письме от 30 мая 1838 г. к В. А. Жуковскому, который, побывав в Оренбургском крае, захотел создать произведение на основе восточного сюжета и просил писателя прислать ему фольклорный материал [16]. Письмо представляет особую ценность: Даль изложил в нём свои творческие принципы. Писатели расхотелись в творческом использовании этнографического материала, фольклорных источников в художественном произведении. В. Даль ратовал за правдивое и всестороннее изучение жизни как русского народа, так и нерусских народностей, за разработку национальной тематики и достоверно-объективное изображение характеров: чтобы поэма была «башкирскою» или «кайсацкою», надобно знать «быт и жизнь народа». В. И. Даль выступал против экзотического применения фольклорного материала, его произвольного, не обусловленного художественной спецификой использования в произведении. Поэтому и инонациональный фольклорный источник, обещанный В. А. Жуковскому, так и не был ему отправлен.

Выводы. В творчестве В. И. Даля проявляется явная тенденция к изображению специфики нерусского российского во всём многообразии его выражения. В передаче инонационального писатель отходит от ориентации на поэтику русского фольклора. Этнографическое у В. Даля не только предмет изображения, но и эстетическое свойство произведений. Инонациональные мифопоэтические структуры – легенды и предания, обычаи и обряды – становятся художественно-эстетической основой произведений, определяя их жанровую специфику, основанную на синтезе мифологии и документально-географического описания. В русле этнографической школы русской литературы XIX века творчество В. И. Даля развивает инонациональное этнографическое направление. Вслед за Далем это инонациональная этнография предстает в творчестве П. И. Мельникова-Печерского, С. В. Максимова, Ф. Д. Нефёдова, А. Ф. Писемского.

Перспективой дальнейших исследований данной темы может стать аспект «Этнографические подходы у В.И. Даля и писателей-народников».

Литература:

1. Пыпин А. Н. История русской этнографии: в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – Т. 1. – 424 с.
2. П. А-в (Анненков П. В.) По поводу романов и рассказов из простонародного быта. Статья вторая и последняя / П. А-в (П. В. Анненков) // Современник. – 1854. – № 3. – Т. 44. – Отд. «Критика». – С. 11-22.
3. Горький М. История русской литературы / М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1939. – Т. 1. – 340 с. – (Архив А. М. Горького).
4. Канкава М. В. О влиянии В. И. Даля на стиль писателей этнографической школы / М. В. Канкава // Поэтика и стилистика русской литературы : сб. ст. Памяти акад. В. В. Виноградова. – Л. : Наука. Ленингр. отд., 1971. – С. 174-180.
5. Лотман Л. М. А. Ф. Писемский / Л. М. Лотман // История русской литературы : в 4 т. – Л. : «Наука». Ленингр. отд-ние, 1982. – Т. 3. – С. 203-219.
6. Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX века / В. Ф. Соколова. – [2-е изд.]. – М. : Книжн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 336 с.
7. Фокеев А. Л. В. И. Даль – родоначальник этнографического направления в русском литературном процессе XIX в. / А. Л. Фокеев // Рус. словесность. – 2004. – № 4. – С. 9-18.
8. Фокеев А. Л. В. И. Даль и П. И. Мельников-Печерский : творческие контакты / А. Л. Фокеев // В. И. Даль в мировой культуре : сб. научн. работ. – Часть 2. – Луганск – Москва : Изд-во ГУ «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2012. – С. 62-75.
9. Фокеев А. Л. Истоки «этнографического направления» в русской демократической прозе второй половины XIX века / А. Л. Фокеев ; [Саратовск. пед. ин-т им. К. А. Федина]. – Саратов, 1992. – 16 с.
10. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века : истоки, тип творчества, история развития : автореф. дис. на соискание научн. степени докт. филол. наук : спец. 10.01.01. «Русская литература» / Александр Леонидович Фокеев. – М., 2004. – 47 с.
11. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Статьи и рецензии. 1846 – 1848 / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 10. – 474 с.
12. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. / Н. В. Гоголь. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 8, 13.
13. Даль В. Полн. собр. соч. / В. Даль. – СПб. ; М. : Вольф, 1898. – Т. 3, 6, 7, 8.
14. Рахимкулов М. Комментарии к «Башкирской русалке» / М. Рахимкулов // Башкирия в русской литературе : в 6 т. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989. – Т. 1. – С. 462–463.
15. Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск ; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с.
16. Даль В. И. Письмо В. А. Жуковскому от 30 мая 1838 г. / В. И. Даль // РО ИРЛИ. – Ф. 28.028. – Архив В. И. Даля. – Л. 1-2.

Юган Н. Л. Інонаціонального етнографія у творчості В. І. Даля як етап розвитку російської літературно-етнографічної школи

Анотація. У статті досліджується зображення інонаціонального, міжкультурний діалог у творчості В. І. Даля. Етнографічна насиченість і достовірність етнічних деталей – характерна особливість Даля в рецепції інонаціонального життя.

Ключові слова: В. Даль, міжкультурний діалог, фольклор, інонаціональна напрямок, літературно-етнографічна школа, етнографізм.

Yugan N. Ethnography of other nationalities in the work of V. I. Dahl as the stage of development of Russian literary and ethnographic school

Summary. In the article the image of other nationalities, inter-cultural dialogue in the work of Dahl. Ethnographic richness and authenticity of ethnic parts – the hallmark of Dahl reception Different Ethnic life.

Key words: Dahl, intercultural dialogue, folklore, inhabited by other direction, literary and ethnographic school, ethnographic.